

Анисин А.Л. Как возможна юриспруденция в качестве науки // Антиномии. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 109-128. https://doi.org/10.17506/26867206_2026_26_1_109

УДК 340.122:17.023.2

DOI 10.17506/26867206_2026_26_1_109

Как возможна юриспруденция в качестве науки

Андрей Леонидович Анисин

Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: anisin@bk.ru

*Поступила в редакцию 23.10.2025, поступила после рецензирования 15.03.2026,
принята к публикации 20.03.2026*

Статья посвящена анализу онтологических и методологических оснований юриспруденции и её уникального места в системе наук. Актуальность такого анализа определяется нерешённостью фундаментальных философско-правовых проблем, и, как следствие, слабостью методологических основ юридической науки. Целью является разработка концептуальных основ философско-правового понимания юриспруденции. Обращаясь к вопросу об основаниях властно устанавливаемой правовой нормы, констатируется, что ни сведение права к произволу человеческой воли (единоличной или коллективной), ни сведение его к воспроизводству неких объективных законов природы невозможно. Тем не менее, идея «естественного

© Анисин А.Л., 2026

права» даёт возможность глубокого понимания сущности права, однако для достижения такого понимания необходимо осознание того, что «естественное право» не является в точном смысле «естественным» и не является в точном смысле «правом». Теоретико-методологической основой предлагаемого в статье понимания права является философская концепция И. Канта, а также философско-правовые идеи С.С. Алексеева. То, что называется «естественным правом», не представляет собой совокупности правовых норм, а является постулатами правового разума, – то есть априорными предпосылками и условиями возможности любых позитивных нормативно-правовых суждений и оценок. Основу априорного всеобщего «естественного» права составляет идея справедливости, предполагающая соответствие заслуг и воздаяния, как в положительном смысле этих понятий, так и в отрицательном. Восприятие человека в качестве субъекта действий, подлежащих оценке с точки зрения всеобщей правды, и объекта необходимой реакции на эти действия со стороны уполномоченных обществом инстанций, блюдущих эту всеобщую правду, составляет «априорные формы правовой чувственности». Таким образом, юриспруденция, как и этика, не является социальной наукой, она является наукой философской и призвана быть, прежде всего, разделом философии, прикладной философией права. Фактическое отсутствие философии права в отечественной философской традиции последнего столетия является причиной многих методологических недостатков, присущих современной юридической науке.

Ключевые слова: философия права; юридический позитивизм; естественное право; постулаты правового разума; правовое равенство; правовая справедливость; всеобщность права; трансцендентализм права

On the Scientific Status of Jurisprudence

Andrey L. Anisin

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia
E-mail: anisin@bk.ru

Received 23.10.2025, revised 15.03.2026, accepted 20.03.2026

Abstract. This article examines the ontological and methodological foundations of jurisprudence, critically assessing its unique position within the system of sciences. The study's relevance stems from persistent unresolved problems in legal philosophy and the consequent fragility of legal science's methodological underpinnings. Its central aim is to advance a conceptual framework for the philosophical understanding of jurisprudence. The analysis demonstrates that law cannot be reduced either to arbitrary expressions of human will (individual or collective) or to mere reflections of objective natural laws. While the notion of *natural law* offers profound insights into law's essence, the article argues for a crucial distinction: what is termed "natural law" is neither strictly *natural* nor strictly *law* in the conventional sense. Methodologically, the study draws on Immanuel Kant's philosophical system and the legal-philosophical works of Sergey S. Alekseev, positing that *natural law* constitutes postulates of legal reason – those are priori conditions that enable any coherent normative legal judgments. At the foundation of *natural law* lies the concept of *justice*, understood as a proportional correspondence between merit and retribution (in both positive and negative dimensions). The article further develops the notion

of a priori forms of legal sensibility, comprising 1) the recognition of individuals as moral agents whose actions are evaluable against universal justice; 2) the mandated societal response by authorized institutions upholding this universal standard. Consequently, jurisprudence – along with ethics – is shown to be fundamentally philosophical rather than scientific in its nature; it represents an applied branch of legal philosophy. The study concludes that the historical lack of legal philosophy within Russia's 20th century intellectual tradition has contributed significantly to contemporary jurisprudence's methodological deficiencies.

Keywords: philosophy of law; legal positivism; natural law; postulates of legal reason; legal equality; legal justice; universality of law; transcendentalism of law

For citation: Anisin A.L. On the Scientific Status of Jurisprudence, *Antinomies*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 109-128. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2026_26_1_109

Вводные замечания: о своеобразии юриспруденции. Тот факт, что юриспруденция очевидно существует и развивается в качестве науки на протяжении столетий, не отменяет возможности, а в современном мире, пожалуй, и необходимости задаться вопросом об условиях возможности её бытования в научном статусе. Немаловажно отметить также, что понимание критериев научности знания за века существования и развития юриспруденции весьма изменилось. Существенно изменилась за это время и сама юриспруденция, хотя и не сменила своего явно «устаревшего» наименования. Буквально ведь слово *jurisprudentia* означает не исследование, не изучение права (чем должна быть наука в новоевропейском смысле, чем и является сегодняшняя юриспруденция), а именно «*право ведение*», то есть *осведомлённость* в вопросах права, более того, если смотреть на этимологию, – некое *благоразумие* и *предусмотрительность* в отношении распространяющихся на тебя *законов* и даваемых тобою *клятв*. *Prudens* – это, собственно, сокращение от *próvidens*, «предусмотрительный, смотрящий наперёд», а *jus* (*juris*), «право, закон» и *jurō*, «клянусь, присягаю» – слова одного корня.

Уникальный научный статус юриспруденции определён тем, что она, во-первых, явно не относится к числу наук, использующих номотетический метод (применяя терминологию В. Виндельбанда), – она не ориентирована на поиск и открытие в мире объективных, независимых от человека законов, под которые подводятся эмпирические факты внешнего мира. Однако, во-вторых, юриспруденцию трудно свести и к идеографическому методу, нацеленному на изучение уникальных культурно-исторических явлений в их неповторимости. При этом «номотетические устремления» у юриспруденции выражены очень явно – только это не стремление эмпирически нащупать действующие в объективном мире законы, а весьма своеобразная воля к выработке и властному установлению таких общих законов взаимодействия людей в социуме, которым должны подчиняться все частные случаи, но которым они никогда не подчинены в полном объёме. Не о познании эмпирической реальности, а об обеспечении подчинения реальности нормам идёт речь в юриспруденции: «На основании законов природы мы понимаем факты, сообразно с нормами мы должны их одобрять или

не одобрять. Законы природы относятся к теоретическому разуму, нормы – к разуму оценивающему. Норма никогда не бывает принципом объяснения, как закон природы не бывает принципом оценки» (Виндельбанд 2007: 219).

С идеографическим методом тоже многое роднит юриспруденцию: конкретно-историческая система римского права является прототипом для континентальной правовой семьи, а её в полном смысле слова *идеографическое описание* является базой юридического образования в романо-германской правовой парадигме. Для англосаксонской правовой семьи «юридическая идеография» в ещё большей степени выражена принципом прецедентного права, однако даже при этом юриспруденция никак не сводится к фиксации уникальных явлений и раскрытию уникальных духовных смыслов культуры. То, что можно ошибочно принять за применение идеографического метода в юриспруденции, на деле является волевым выделением в прошлом некоего образца для властного установления общего закона. И это властное установление общего закона не имеет, как уже отмечено, никакого отношения к номотетическому методу естественных наук, поскольку там выработка и формулировка общего закона должны быть «послушны» фактам, единичным явлениям, здесь же, наоборот, – единичные явления должны быть «послушны» тем общим законам, которые формулирует законодатель. Расхождения между законом, сформулированным в науках о природе, и вновь открывающимися эмпирическими фактами имеют своим следствием необходимость корректировки закона, а неизбежные расхождения между юридическим законом и реальным поведением отдельных людей имеют следствием необходимость «корректировки» этого реального поведения – по крайней мере до тех пор, пока закон сохраняет формальную и реальную силу. Юридический закон тоже может корректироваться с учётом реальных фактов и изменения объективной ситуации в обществе, однако эта коррекция также часто происходит прямо противоположным образом по сравнению с законом естественнонаучным. Если по каким-то причинам в обществе возросло количество тяжких преступлений, то юридический закон реагирует на это не декриминализацией (или хотя бы смягчением наказания) таких проявлений как якобы «вошедших в обычай», а напротив, – ужесточением санкций.

Всё это говорит об уникальности места, занимаемого правоведением в системе наук, точнее будет сказать, что оно в некотором смысле вообще стоит *вне* системы. Юриспруденция занята в первую очередь не познанием мира, а его организацией и познанием его *нормирования*. Она, конечно, тоже познаёт определённую, и притом объективную правовую реальность, но прежде всего она данную реальность создаёт через нормотворческую деятельность. И это не просто творческая активность, созидающая некие духовные содержания культуры, изучаемые впоследствии как свободные и никого ни к чему не обязывающие манифестации человеческого духа. Здесь речь идёт о формулировке общеобязательных норм должного и запретного.

На том основании, что правовые нормы явно представляют собой продукт творческой, рациональной конструирующей деятельности человека,

напрашивается, к стати сказать, аналогия юриспруденции с техническими науками, которые также заняты тем, что исследуют приёмы и принципы рационального конструирования искусственной (технической) реальности, а также изучают внутреннюю системную связь самой этой сконструированной человеком рациональной реальности. Однако и здесь принципиальное отличие юриспруденции заключается в том, что она не просто создаёт свою собственную реальность (правовую), она волевым образом *предписывает* этой реальности законы, конституирующие её. Законы технической реальности не создаются техническим творчеством, техническое творчество подчинено им, то есть законам природы и основанным на них принципам, а вот законы правотворчества, создающие правовую реальность, именно самим правотворчеством и устанавливаются. Юспозитивизм, фактически выносящий за скобки вопрос об основаниях правотворчества¹ и фиксирующий всё своё внимание на актуальной, позитивной норме, выносит за скобки самое главное в праве: прежде чем позитивную норму изучать, эту норму – *непременно в таком вот, а не каком-либо ином виде* – необходимо установить. Классическая этатистская версия правового позитивизма в качестве основания правовых норм указывает волю законодателя, объяснять которую считает излишним. Социологическая версия истолкования права, которую также часто и заслуженно относят к позитивизму, видит в праве функцию социальных процессов, редуцируя право к внеправовым явлениям и, таким образом, фактически сводя его к *вторичному* явлению. Юспозитивизм, конечно, является радикальным отрицанием философии права; он зародился и развивался, как позитивизм в целом, отрицая необходимость и даже возможность философии как таковой, объявляя недоразумением сам предмет философской мысли.

Проблема обоснования правовой нормы. Трансцендентальные принципы права в концепциях И. Канта и С.С. Алексеева. Коренным вопросом философии права является, несомненно, вопрос о сущности и основаниях права. И главная проблема заключается в том, что оба прямо противоположных варианта объяснения истоков права явно неудовлетворительны. Невозможно свести право к произволу человеческой воли (единоличной или даже коллективной). Невозможно свести право к воспроизведению неких объективных законов природы.

Законотворческая деятельность, причём не только авторитарных правителей, но и вполне демократических органов, может порой создавать впечатление, что законодатель действует по принципу «*hoc volo, sic jubeo: sit pro ratione voluntas*» – «этого хочу, так повелеваю, да будет доводом (моя) воля». Такой волюнтаризм, действительно, имеет яркие исторические примеры, в какой-то степени он характерен для любых властных распоряжений, однако именно сущности права он противоположен. Юспозитивизм, выступая за принципиально ничем не ограниченный произвол законодателя

¹ «Абсолютно любое содержание может быть правом. Не существует человеческого поведения, которое как таковое – в силу своего содержания – заведомо не могло бы составлять содержание правовой нормы» (Кельзен 2015: 246).

и будучи последовательным, должен свести правоведение к чистой идеологии: к фактам истории прошлого и к фактам истории настоящего, к похожим или непохожим друг на друга казусам в деятельности различных законодателей, да и просто – к занятым или не очень занятым «историям» из правовой жизни разных стран и государств.

Идея «естественного права» выражает противоположную позицию, утверждающую наличие права как некоей объективной данности, – и не просто объективных оснований права (социально-экономических, например), а именно «объективного права», которое названо «естественным» для отмежевания от религиозной версии объяснения сущности права. Такое наименование, конечно, неудачно, если иметь в виду естественность природного порядка вне человека: никаких прав и обязанностей в природе, то есть в *естественном* бытии, не существует. Одно только и есть в природе «естественное право» – это закон естественного отбора, а если быть точнее, то просто закон естественного сосуществования во взаимной борьбе и симбиозе ради выживания и/или гибели в рамках поддержания общего процесса жизни биосферы. Даже понятие о так называемом «праве силы», которое формально противостоит «силе права» как выражению правового сознания, также, конечно, является продуктом этого самого правового сознания: в естественном порядке бытия сила применяется просто по факту её наличия, без всякого сознания ею своей «правоты». «Логически исходный пункт формирования права – отказ контрагентов от насилия – радикально противоречит всей предшествующей онтологии, как живого, так и постприродного мира» (Шалютин 2024: 156), – пишет современный исследователь, однако право вовсе не предполагает идеи «отказа от насилия», оно предполагает неведомое естественному миру различие *правого* и *неправого* применения силы. Более того, право по самому своему смыслу неотделимо от применения силы: когда упомянутый исследователь в другой статье обращается к поиску прообразов права у обезьян (чтобы сгладить онтологический разрыв, связанный с переходом от естественности к праву), то в качестве одного из признаков, по которым можно было бы судить о зачатках правового регулирования, он указывает «наличие норм, обязательность исполнения которых обеспечивается силовым принуждением» (Шалютин 2019: 41).

В качестве исходного пункта для продвижения к смыслу права следует взять те определения, которые дал праву И. Кант. Его формулу права часто приводят в следующем виде: «равенство в свободе по всеобщему закону». Эти слова, действительно, довольно точно воспроизводят кантовское понимание сущности правовых отношений, однако стоит отметить, что понятие «равенства» Кантом прямо не используется ни в одном из тех определений права, которые можно найти в его работах. Единственный, кажется, повод для смыслового сопряжения «права» и «равенства» даёт статья «О поговорке: “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики”», в которой сначала Кантом дано часто цитируемое определение права: «Право есть ограничение свободы каждого условием согласия её со свободой всех других, насколько это возможно по некоторому общему закону; а публичное право есть совокупность внешних законов, которые делают возможным

такое полное согласие» (Кант 1965: 78), а затем, на следующей странице тома собрания сочинений, можно прочесть, что «гражданское состояние, рассматриваемое только как состояние правовое, основано на следующих априорных принципах: 1) *свободе* каждого члена общества как человека; 2) *равенстве* его с каждым другим как подданного; 3) *самостоятельности* каждого члена общности как гражданина» (Кант 1965: 79). Характеризуется здесь уже не право как таковое, а «гражданское состояние» в качестве правового.

При системном изложении своего понимания права в «Метафизике нравов» Кант заканчивает параграф «Что такое право?» словами: «Итак, право – это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» (Кант 1965: 139). А следующий параграф называется «Всеобщий принцип права» и начинается словами, выделенными в отдельный абзац и взятыми в кавычки, как школьное определение: «Прав любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произвола каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом» (Кант 1965: 140). Таким образом, сущность права, по Канту, состоит в обеспечении каждому человеку определённой меры свободы *через апелляцию ко всеобщему закону*. Именно *всеобщность* того закона, которым определяется каждому его мера свободы (вовсе не всегда равная!), составляет корневой смысл правового способа бытия.

Равенства не только не может быть реально ни в каком обществе, но оно вовсе и не предполагается ни идеей права как такового, ни идеей правового государства. Никакая правовая норма невозможна без правовых санкций, а всякая санкция предполагает поражение виновного в правах, постановку его в *неравное* с другими людьми положение. Равенства в правах нет и быть не может, однако то *неравенство*, которое предполагается правом, может и должно быть вполне справедливо, правильно и законно. Так называемое «равенство людей перед законом» на деле выражает указанную выше идею *всеобщности правового закона*: закон один на всех, но каждому он определяет свою меру свободы. Красный, запрещающий сигнал светофора на перекрёстке горит *для всех*. Правила дорожного движения, утверждённые Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 и действующие в редакции от 16.07.2025, действуют *для всех*. Но эти правила (правовой закон) дают право проезда на красный свет (такую вот меру свободы) водителю автомобиля с включёнными спецсигналами – а также и возможность отступать от требований ещё одиннадцати разделов указанных Правил дорожного движения. Идея права состоит не в установлении «равенства в свободе» и не в отказе от насилия, а в том требовании, чтобы любая мера свободы, которой пользуется человек, была бы основана на *всеобщем законе*.

В качестве основания такого всеобщего закона правовое сознание в различных типах обществ могло признавать «волю Неба», выраженную в китайских церемониях, *волю Божью*, выраженную в священных писаниях и преданиях, *Природу* с её естественностью, *трансцендентальный разум*

с его априорными способностями, *волю Народа* как коллективной исторической личности, *общечеловеческие ценности* (что бы это ни значило) – любой из этих вариантов давал достаточно прочное основание для выстраивания и онтологической легитимации правовой системы. И позитивному праву, и позитивному правосознанию логически предшествует признание априорного всеобщего права, которое принято называть «естественным»: «...суть идеи естественного права заключается в том, что наряду с правом, созданным людьми и выраженным в законах... существует естественное право – сумма требований, в своей исходной основе рождённых непосредственно, без какого-либо людского участия, самой натуральной жизнью общества, “природой”, “естеством” человеческого бытия, объективными условиями жизнедеятельности, естественным ходом вещей» (Алексеев 2010b: 27). Именно это смысловое наполнение понятия «естественное право» имеется в виду, когда говорится, что «*философское видение правовых явлений – это и есть их рассмотрение под углом зрения естественного права*» (Алексеев 2010b: 26).

Критики идеи естественного права указывают на то, что «согласно одному учению, “естественна”, то есть справедлива, только частная собственность, согласно другому – только коллективная; согласно одному учению – только демократия, согласно другому – только автократия. Всякое позитивное право, которое соответствует естественному праву в одном учении и поэтому оценивается как справедливое, противоречит естественному праву другого учения и поэтому оценивается как несправедливое. Естественное-правовое учение, как оно фактически развивалось (а иначе развиваться оно и не может), весьма далеко от выработки того твёрдого критерия, которого от него ожидают» (Кельзен 2015: 277). Со своей стороны юспозитивисты предлагают просто отказаться от каких бы то ни было критериев, не замечая того, что такая подчёркнуто «правовая» (то есть нормативистская) установка, по существу, уничтожает саму идею права, всегда предполагающего *всеобщность* того источника, к которому восходят любые конкретные правовые нормы, причём различие и изменчивость правовых норм нисколько не отменяет их неизменной апелляции к всеобщности правовых принципов.

То, что называется «естественным правом», конечно, не представляет собой совокупности правовых норм (о частной или коллективной собственности, о демократии или автократии, например), а является на деле некими *постулатами правового разума* (в параллель с кантовскими «постулатами» практического, то есть морального, разума) – а именно априорными предпосылками и условиями возможности любых позитивных нормативно-правовых суждений и оценок: «Естественное право, следовательно, – это и есть обусловленные *природной и социально-естественной средой требования и идеалы, которые, преломившись через правосознание, его культурные коды, приобретают правовой облик* и в соответствии с этим выступают в виде *правовых требований и прообразов* (или в ином словесном эквиваленте – *первообразов*) *юридических норм – норм позитивного права*» (Алексеев 2010b: 35).

С.С. Алексеев в приведённых словах предполагает, что требования и идеалы, составляющие содержание естественного права, обусловлены «природной и социально-естественной средой», однако трудно и даже, пожалуй, невозможно объяснить, как на основе налично данного сущего могли сформироваться *требования и идеалы*, выражающие собою *должное*. Сам акт «отталкивания от несовершенного сущего» имеет в качестве своей предпосылки понятие о том *совершенстве*, в сравнении с которым наличное сущее признаётся неудовлетворительным. Однако это *должное* совершенство, с которым сравнивается сущее, в реальности не существует, и даже если оно мифологически приписывается прошлому «золотому веку», то это всегда – именно мифологическая проекция умозрительного идеала.

О соотношении понятий сущего и должного С.С. Алексеев в своей «Философии права» не пишет ни разу, однако рассмотрение этой базовой для всей правовой мысли проблематики на конкретном материале производится им постоянно и обозначенную проблему он, конечно, прекрасно сознавал, встречая с разных сторон неприятие своего проекта по реабилитации понятия «естественного права» и утверждения его в качестве основы философского осмысления правовой сферы человеческого бытия (буквально: «*исходное звено философии права*» (Алексеев 2010b: 25)). Поэтому, не отказываясь формально от материалистической трактовки бытия человека, выдающийся российский правовед солидаризируется с И. Кантом в том, что «природа не сводится к вещественно-материальному, механическому миру окружающих нас явлений, предметов и процессов», что «она одухотворена, в ней заложены начала целесообразности – то, что по привычным представлениям многих людей является Богом, а по некоторым современным взглядам учёных может быть охарактеризовано в качестве «информационного поля» или просто определено как закономерная логика в развитии объективных процессов, связанных с тем, что возник разум». В сноске к этим словам С.С. Алексеев уточняет, что «с позиций автора этих строк указанные “три варианта” (Бог, “информационное поле”, закономерная логика объективных процессов, связанная с тем, что возник разум человека) означают по своей сути *одно и то же*» (Алексеев 2010a: 33). Однако понятие Бога, которое с успехом может быть заменено на «информационное поле» или «закономерную логику» при построении философии природы, не поддаётся такой же замене в философии права. Попытка «перевести» на современный научный язык кантовскую характеристику права, вынесенную С.С. Алексеевым в заголовок процитированной статьи («Самое святое, что есть у Бога на земле»), приводит к нелепости не потому, что прилагательное «святой» *контекстуально* и, так сказать, *стилистически* не сочетается ни с «информационным полем», ни с «закономерной логикой», а потому что эти понятия *принципиально* отрицают возможность каких бы то ни было *оценок*, то есть *отнесения к ценности*. Именно поэтому невозможно охарактеризовать право как «самое лучшее (*благое, правильное* или иные формы позитивной оценки), что *выработало* (*породило, может быть...*) *информационное поле* (оно же – *закономерная логика* в развитии объективных процессов) на земле (*в обществе и культуре*)». Информационное поле и (его)

закономерная логика порождают только то, что порождают, никакие оценки здесь немислимы, поскольку информационное поле и закономерная логика не обладают свободой, презумпция которой как раз и есть необходимая предпосылка всякого оценивания. Нормативная рациональность права при своём философском осмыслении предполагает использование понятия «Бог» хотя бы в качестве мифологемы и метафоры. По другому поводу это остро прочувствовал и выразил Ф. Ницше: «“Разум” в языке – о, что это за старый обманщик!² Я боюсь, что мы не освободимся от Бога, потому что ещё верим в грамматику...» (Ницше 1990: 571). Вера в право оставляет ещё меньше шансов «избавиться от Бога»...

Разумеется, правовое сознание и правовая жизнь не связаны напрямую с религиозным сознанием и религиозной жизнью в их собственном и узком смысле, однако погружение в вопросы философии права открывает тот факт, что трансцендентальными априорными условиями возможности юриспруденции как науки являются «требования и идеалы», воплощённые в так называемом «естественном праве». Историческая изменчивость позитивного права – это первая очевидность, с которой имеет дело человек, приступающий к изучению юриспруденции, однако более внимательный – мыслящий – взгляд обнаруживает, что «лучшие образцы древнеримской юриспруденции были не столько продуктом согласований и коллективной технико-юридической отработки текстов документов... сколько результатом индивидуального творчества великих римских юристов: преторов, судей, знатоков юриспруденции – носителей особого права – *ius respondendi*. Того творчества, в котором только и раскрывается величие и тайна Разума высшего творения Вселенной» (Алексеев 2010b: 47). Приходится, таким образом, констатировать, «что римское частное право – поразительный всемирно-исторический шедевр, достижение общечеловеческой культуры, своего рода загадка истории, когда при отсутствии необходимых исторических предпосылок, в частности, сложившихся гуманистических (персоноцентристских) идей, важнейшие компоненты правовой материи, согласующиеся с этими идеями, всё-таки сформировались, хоть и в неадекватной среде, и, пожалуй, можно утверждать, более чем на тысячелетие шагнули вперёд в своём историческом развитии» (Алексеев 2010b: 47). Итак, мы имеем «достижение общечеловеческой культуры», которое не является продуктом исторического развития, возникнув «при отсутствии необходимых исторических предпосылок». Сложившихся идей ещё не было, а «важнейшие компоненты правовой материи, согласующиеся с этими идеями, всё-таки сформировались», более чем на тысячелетие опередив историю развития позитивного права.

Условиями возможности того, что индивидуальное творчество в отсутствии исторических предпосылок смогло сформировать правовую материю, соответствующую ещё не сформулированным правовым идеям, являются трансцендентальные априорные способности человеческого разума. При отсутствии исторических предпосылок опираться можно толь-

² В другом переводе (Н.Н. Полилова): «...ох, что это за старая лживая бабёнка!», и далее: «боюсь, что мы не избавимся» (Ницше 2009: 31)

ко на трансцендентальные, что никак не отрицает возможности и необходимости развития соответствующего знания: математика явно опирается на априорные способности разума и от опыта (исторического в том числе) никак не зависит, однако успешно развивается и делает новые открытия уже не первое тысячелетие.

Конкретные нормы позитивного права бывают неудачны, и поэтому можно сколько угодно иронизировать над И. Кантом (и над С.С. Алексеевым, который с ним солидарен), назвавшего право «самым святым, что есть у Бога на земле», однако Кант смотрел в суть и видел то, что обычно скрыто за пестротой эмпирических фактов, всегда представляющих собой более или менее неудачные попытки воплотить дух права в конкретных статьях закона. Не стоит судить о математике по школьной тетрадке двоечника: сделанные там ошибки отражают не сущность математики, а либо неспособность, либо нежелание постичь её законы. Точно также нежеланием или неспособностью в конкретных исторических условиях *в полной мере* опираться на «постулаты правового разума» объясняются и дефекты позитивного законодательства. Стоит подробнее остановиться на этих «постулатах правового разума», которые не содержат в себе конкретных правовых норм, но определяют саму потребность в их установлении, а также логику их выстраивания.

Содержание постулатов правового разума. Феноменологически первым актом обнаружения себя в сфере действия правовых категорий, принадлежащих твоему собственному сознанию, является сознание *неправильности* чего-то реально происходящего или уже произошедшего, *несмотря на всю его детерминированность*. На каком основании что-либо может быть признано *неправильным*, и почему слова, обозначающие правую сторону и должный порядок («право»), во многих языках звучат одинаково? Чем находящееся справа лучше находящегося слева, или чем поворот направо «правильнее» поворота налево? Тем более, что эти понятия относительны: повернись на 180°, и то, что было слева, будет справа, и моя правая рука для собеседника, сидящего напротив, всегда находится слева. Возможно, свой абсолютный аксиологический смысл эти относительные понятия получили потому, что в нашем северном полушарии (являющемся, видимо, прародиной человечества) солнце по небу ходит *слева направо*, от востока через юг на запад (в южном полушарии – через север, то есть – справа налево). Солнце, символизирующее во всех культурах свет (не только физический), жизнь, благо и самого Бога, движется слева направо, символизируя должный, правильный ход вещей и событий, – а потому *«уклоняти ми ся всегда на правыя стези»*³ (ходить мне всегда путями правды) является формулой должного поведения и для человека. Эта формула предполагает и правду как искренность, и правду как истину, и правду как праведность, и – далеко не в последнюю очередь – *правду социальную*, справедливость общественной жизни.

Человек сознаёт, что не всё в мире, прежде всего в человеческих отношениях, совершается правильно, – и вот сознание этого факта является проявлением той априорной системы требований и идеалов, с которыми С.С. Алексеев

³ Из Канона Ангелу Хранителю.

отождествляет «естественное право». Сердцевину этого априорного всеобщего «естественного» права составляет идея (или идеал) справедливости. Она предполагает такой порядок жизни, при котором обеспечивается соответствие заслуг и воздаяния, как в положительном смысле этих понятий, так и в отрицательном: что заслужил, то и получил – не больше и не меньше. Восприятие человека в качестве субъекта действий, подлежащих оценке с точки зрения всеобщей правды, (заслуг) и объекта необходимой реакции на эти действия (воздаяния) со стороны уполномоченных обществом инстанций, блюдущих эту всеобщую правду, составляет, если продолжать параллель с кантовской терминологией, «априорные формы правовой чувственности». Также как, по Канту, пространство и время не существуют вне события человеческого восприятия, а являются априорными формами, присущими разуму, в которые познающий разум укладывает ощущения, создавая тем самым мир опыта, – пожалуй, с ещё большим основанием можно констатировать, что правовой разум привносит в воспринимаемый мир априорно присущие ему правовые восприятия, правовые категории, правовые схемы рассуждения, формируя правовую реальность. Это восприятие происходящего как предмета потенциальных правовых оценок, эти понятия и эта логика, обеспечивающие осуществление правовых оценок, не выводятся из эмпирического опыта, не подчиняются эмпирическому опыту, а, напротив, подчиняют себе эмпирический опыт и обеспечивают возможность обретения качественно иного – *правового* – опыта.

В связи с этим важно отметить, что, в отличие от нравственной и правовой сферы, основанных на априорных предпосылках, присущих духовному разуму человека, общественная мораль не имеет такой незыблемой основы и выражает исторически изменчивые нравы различных человеческих общностей. Нравственный (практический, по И. Канту) разум основывается на личном сознании нравственного долга, не являющегося продуктом общественного развития и представляющего собой объективное требование, обращённое к свободной воле человека. Нравственность, таким образом, представляет собой сферу принципиально автономного личного самоопределения человека по отношению к нравственному долгу, данному через «голос совести». Общество не имеет никакой власти в этой сфере: то, чего требует нравственный долг, общество требовать не вправе, а если требования общества и требования совести расходятся, то более нравственно следовать совести.

Правовой разум основывается на восприятии общественных отношений с точки зрения необходимости их *исправления* в соответствии со всеобщей социальной правдой. Необходимое уточнение заключается в том, что качество восприятия своего нравственного долга автономной личностью человека и качество восприятия всеобщей социальной правды общественным сознанием (тою же автономной личностью, но обращённой уже к осмыслению общественных отношений) никогда не безупречно и даже – надо признать – *всегда* более или менее искажено внешними влияниями и теми внутренними причинами, которые могут быть определены как «нравственная и правовая зрелость личности».

Оценка и дальнейшие действия, основанные на оценке, могут иметь (но не всегда это удаётся) априорно обоснованную абсолютную значимость в двух случаях: 1) нравственное суждение, обращаемое человеком на самого себя, на свои действия; 2) правовое суждение, обращаемое человеком на отношения в обществе, в том числе на действия других людей. Общественная мораль (справедливо происходя от латинского *mos, moris* – «нрав, обычай») является некорректным переносом нравственного чувства и нравственного суждения в ту сферу, где они не имеют законной силы применения, – это попытка нравственного суждения (и чаще всего *осуждения*) по отношению к *другому, не к себе*. По отношению к делам других людей единственно возможным законным основанием оценок является идея социальной правды (справедливости, если коротко), а вовсе не нравственные категории. Слова из Нагорной проповеди «не судите, да не судимы будете» (Мф. 7:1) не запрещают, разумеется, ни нравственного суда над собой, ни правового суда в общественных отношениях, они предостерегают против того, чтобы судить о качестве духовно-нравственной жизни другого человека, то есть – как это ни покажется странным, они направлены именно против «общественной морали» (если сказать «против морализаторства», это прозвучит менее резко). И суд нравственный, и суд правовой могут сохранять верность своим духовным основаниям только в том случае, если сохраняют ясное понимание границ своей компетенции, – и эти границы определяются *противоположным образом*. В сфере правовой действует принцип «никто не может быть судьёй в своём собственном деле», а в сфере нравственной действует принцип обратный: «ты можешь быть судьёй *только исключительно* в своём собственном деле», только себя самого ты можешь нравственно судить. «Общественная мораль» зачастую меняет эти принципы местами, обращая нравственное суждение (осуждение) на других, а по отношению к себе настаивая на том, что «раз я формально чист перед законом, то и совесть моя чиста!».

Следует сделать ещё одно важное замечание: в русском, и не только русском языке отсутствует этимологически адекватное слово для обозначения того, что И. Кант назвал «практическим разумом». «Нравственность» по-русски, как и «этика» по-гречески, как и «мораль» по латыни, происходят от корня «нрав, обычай, привычка», а для обозначения способности человека переживать и сознавать обращённое к свободной воле требование долга в форме категорического императива было бы правильнее употреблять другое слово, но, за неимением такого, способность называется *нравственной*.

Межеумочный характер «общественной морали» является причиной искажения как этической, так и правовой мысли. Сама по себе эта «общественная мораль» является необходимым элементом организации общественной жизни и законным объектом научных и философских исследований, однако изучающие её социальные науки и социальная философия, навязывая этике и праву свою логику, выхолащивают их собственный смысл, несводимый к этнографии и социологии. Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заголовок этой статьи, следует констатировать, что при всей огромной – фундаментальной! – общественной значимости нравственности

и права, ни этика, ни правоведение *не являются социальными науками*. Спиноза, как известно, начинает «Ethica ordine geometrico demonstrata» («Этику, доказанную в геометрическом порядке») с изложения онтологии «единой и всеобщей субстанции». Н. Гартман, уже даже отойдя от неокантианства, введение к своей «Этике» начинает с параграфа «Первый фундаментальный вопрос», имея в виду кантовское «что я должен делать?». Этику и невозможно начать как-либо иначе, кроме как обратиться к фундаментальным вопросам человеческого (и не только) бытия. Этика – не бытописание, не историческая этнография нравов, а философская наука.

То же самое относится и к правоведению, к юриспруденции. Недаром она легла в основание классического, впоследствии университетского образования, наряду с грамматикой, риторикой, логикой и философией, которые в Средние века были дополнены ещё богословием. Именно из Болонской школы права был образован первый в западном мире Болонский университет, а второй старейший университет Европы, Парижский, был всецело богословским. Такая параллель отнюдь не случайна, правоведение мыслилось и преподавалось как изучение законов «правового разума», столь же независимых от случайностей общественной жизни, как и законы Божьи. Конкретные правовые нормы могут меняться, это было вполне очевидно для правоведов во все времена, но и убеждение в том, что существуют *неизменные и вечные правовые принципы*, составляющие основу и ядро всякого позитивного права, является аксиоматической предпосылкой самой возможности всякой правовой мысли и всякой правовой науки: «Что касается естественного права, то оно – вечно, сопровождает человека, человечество с момента его зарождения», – пишет С.С. Алексеев (Алексеев 2010b: 37). Любая правовая норма, *догма права*, опирается на эти вечные принципы, отражающие требования и идеалы, составляющие «естественное право», – и слово «догма» (постановление, решение) является здесь не просто смешным пережитком Средневековья: право *учит*, оно *наставляет* реальность, *судит* реальность и выносит в отношении её *постановление*, а не учится у реальности, не копирует её. Именно это определяет особый статус юриспруденции в качестве науки.

Юриспруденция как прикладная философия права. Юриспруденция (как и этика) не является ни естественной, ни социальной наукой – она является наукой философской, она призвана быть, прежде всего, разделом философии, притом очень важным разделом. Философия права, разумеется, неспособна заменить собою «эмпирическую» правовую науку и юридическую технику, но философия права неустранимо присутствует в каждом моменте правовой жизни человека и общества – и в правотворчестве, и в правоприменении, и в толковании норм права. Практическая юриспруденция является, по своему существу, *прикладной философией права*, так же, как конкретные нравственные заповеди и правила являются прикладной нравственной философией. В свете этих выводов из проведённого анализа весьма тревожно выглядит тот факт, что философия права просто *отсутствует* в современной философской мысли, – не будем говорить о «духе мировой философии», скажем конкретно о философии в нашем Отечестве и с точки зрения формального подхода.

Философия права не только отсутствует как философская научная специальность в номенклатуре ВАК⁴, но она даже *ни разу не названа в качестве возможного направления исследований* ни в одном паспорте научной специальности по философии. Такое положение дел не удивительно, философия права в последние сто лет не рассматривалась как самостоятельное направление философской мысли – ни при советской власти, ни в постсоветский период. Вопросы, касающиеся философского осмысления правовой сферы жизни общества, были полностью растворены в других «диссертательных» специальностях.

Разумеется, больше всего философско-правовых проблем ушло в юридические науки, а именно в первую юридическую специальность. В качестве одного из возможных направлений исследований по специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки» указана «Структура теории государства и права: догма права, социология права, философия права»⁵. Однако «философия права» здесь подразумевается, очевидно, не в своём собственном философском смысле и значении, не как *разработка философских оснований* правовой мысли и правовой деятельности, а только как некий элемент (притом последний) в структуре теории государства и права, как некоторые *обобщающие рассуждения и выводы*, являющиеся «довеском» к разработке догмы права и социологии права. Видный современный правовед, в действительности много сделавший для возрождения и развития философско-правовой мысли, отмечает, что «в системе правоведения философия права наиболее тесно связана с общей теорией права и социологией права», причём «в определённом смысле термином “теория права” могут быть охвачены все три дисциплины, поскольку они касаются общетеоретических аспектов права: философских, социологических, юридических» (Максимов 2016: 24).

Юристы всегда признавали и признают за философией в целом и высокий статус, и основополагающую методологическую значимость. Возможно, они даже в той или иной мере осознают, что вовсе не философия права является элементом теории права, а, напротив, вся юриспруденция, как таковая, является *прикладной философией права*, однако – именно в силу своего юридического профессионализма – им с трудом удаётся выйти на уровень настоящей философской мысли. Философско-методологическая культура научных исследований по юридическим наукам – диссертационных, в частности – в основной своей массе оставляет желать много лучшего. Так,

⁴ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук, утверждённое приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/400550248/> (дата обращения: 18.10.2025).

⁵ Паспорт научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки» // Образование и право: научно-правовой журнал. URL: <https://education.law-books.ru/wp-content/uploads/2023/03/5.1.1.pdf> (дата обращения: 18.10.2025).

например, на основании выборки в 100 юридических кандидатских диссертаций, защищённых в первой половине 2022 года, можно видеть, что в 78% авторефератов объектом исследования заявлены «общественные отношения» в сфере, предполагаемой темой, а в 64% этих исследований в качестве предмета указаны «нормы права», «нормативные правовые акты», а также «правоприменительная (или прямо – судебная) практика» и даже «научная юридическая литература» (6% случаев) (Анисин 2023: 10–11). Нормы права, правоприменительная практика и научная юридическая литература являются *предметом изучения* для студента юридического факультета: его познавательные усилия, действительно, направлены на познание правовой доктрины и норм права, конкретных нормативных правовых актов и целостной системы законодательства, но для учёного-юриста предметом его научного исследования, предметом его научного интереса, очевидно, должно выступать нечто иное. В первом и самом общем приближении можно сказать, что *предметом* юридической науки должны быть некие *закономерности*, и притом не закономерности «общественных отношений» (на то есть другие науки), а закономерности *правовой реальности*, которая является, опять-таки в первом приближении, *объектом* исследования учёного-юриста.

Понятие «правовой реальности» достаточно активно разрабатывается в юридической науке последних лет. Первостепенную роль в этом сыграли работы С.И. Максимова – прежде всего его монография «Правовая реальность: опыт философского осмысления» (Максимов 2002b). Эту и некоторые другие работы современных учёных-юристов можно расценивать как сознательное возвращение юриспруденции к своей истинной сущности – к философии права. Знаменательны и переклички на этом пути: сам С.И. Максимов «отмечает, что его философская концепция правовой реальности весьма близка юридической теории механизма правового регулирования, созданной усилиями С.С. Алексеева, с той лишь разницей, что правом следует считать не одни только правовые нормы, а некое становящееся целое, регулирующее поведение людей» (Гаджиев 2013: 132). Впрочем, как выше неоднократно отмечено, С.С. Алексеев никогда и не отождествлял право с голыми правовыми нормами и шёл в своём научном творчестве именно к философскому осмыслению права.

Факт отсутствия философии права как направления философии только подчёркивается философско-правовыми трудами юристов. Докторская диссертация С.И. Максимова имела чисто философское название: «Правовая реальность как предмет философского осмысления» (Максимов 2002a), однако выполнена была на соискание учёной степени доктора *юридических наук*. Впрочем, и качество философской культуры таких философско-правовых работ часто оставляет желать лучшего. Когда в упомянутой диссертации параграф 1.3. имеет название «Правовой объективизм (социоцентристский подход к праву)», это ещё можно понять, хотя социоцентризм является проявлением релятивизма в гораздо большей степени, чем «объективизма». Но название следующего параграфа 1.4: «Классические концепции естественного права: преимущества субъективизма» (Максимов 2002a: 3) уже вызывает глубокое недоумение. Говоря о «правовом субъективизме», автор

имеет в виду, что классические концепции естественного права делают акцент «на идеально-нравственной стороне права, раскрывающейся в сознании субъекта идеи права», в отличие от «правового позитивизма» (акцент «на внешней стороне правовой реальности, совокупности норм, обеспеченных принудительной силой государства») и «правового объективизма» (акцент «на социальной обусловленности права, его укоренённости в жизни») (Максимов 2014: 48). Вот только тот факт, что идеально-нравственная сторона права *раскрывается* в сознании субъекта, вовсе не даёт оснований считать такой подход *субъективизмом*: ибо точно там же, в сознании субъекта, раскрывается и «внешняя сторона правовой реальности» с её нормами, и «социальная обусловленность права», и сам физический материальный мир, данный в ощущениях.

Впрочем, критикуют С.И. Максимова его коллеги часто именно за недостаточную радикальность в проведении правового релятивизма: «Однако в попытках описать, в чём именно заключается специфический – правовой – смысл, как происходит динамическое становление правовой реальности, украинский правовед не удерживается на постметафизическом уровне осмысления права, совершая методологический отход на метафизические позиции, важнейшей из которых является дихотомия сущего и Должного» (Стовба 2016: 148). Дихотомия сущего и должного, с их точки зрения, является пережитком «метафизической стадии», а пора бы уже перейти, вслед за О. Контом, на «позитивную стадию», которую они, впрочем, в духе времени именуют «постметафизической», «постнеклассической». Таким образом, объявив, что «должное... предполагает описание массового юридически значимого поведения», что «норма права конструируется предшествующими ей фактическими отношениями» (Чеснов 2013: 232), уже «можно сформулировать онтологический принцип релятивизма права: *право – это социальное явление, обусловленное взаимодействиями с другими социальными феноменами, вне и без которых право не существует, и с обществом как социальным целым*» (Чеснов 2013: 235). «Онтологический принцип релятивизма права» процитированный автор подытоживает следующим образом: «Таким образом, право, с моей точки зрения, – это межличностный диалог, который предполагает принятие точки зрения Другого», – трудно даже сказать, возможно ли ещё больше выхолостить смысл права. Впрочем, спохватившись, И.Л. Чеснов считает нужным добавить: «Однако право – это не любой диалог, а только такой, который обеспечивает нормальное функционирование социума» (Чеснов 2013: 237), забывая уточнить, что же следует считать «нормальным», где же взять критерии этой «нормальности» в условиях правового релятивизма.

Вопрос, какова та объективная реальность, с которой имеет дело учёный-правовед, остаётся в юриспруденции зачатую не только не решённым, но и не поставленным по-настоящему. Выше было дано – в первом приближении – обозначение объекта юридической науки как *правовой реальности*, однако «поскольку термин “правовая реальность” является сравнительно новым, для обозначения анализируемого объекта в его широком понимании используются и иные термины – “правовая действительность”,

“правовая система”, “правовая жизнь”, “правовое пространство” и некоторые другие» (Белянская 2018: 6). Можно, конечно, попытаться дать определение этому понятию, просто перечислив всё, что относится к правовой сфере жизни общества: «*Правовая реальность* – это вид социальной реальности, вся совокупность правовых явлений, как объективных, так и субъективных, позитивных и негативных, учитывающих самостоятельный характер общественной реальности и представляющих собой особый нормативный способ регуляции потенциально конфликтных общественных отношений, включающих в себя совокупность всех правовых проявлений в их единстве» (Белянская 2018: 11). Однако такое перечисление ничего не добавляет к пониманию онтологических и аксиологических параметров правовой реальности. Поэтому, задавшись вопросом о понятии правовой реальности, доктор юридических наук, профессор из Иркутска констатирует: «Подводя итоги, следует отметить, что на сегодняшний день ни философия, ни философия права, ни общая теория права не дают представлений, позволяющих отраслевому специалисту определить правовую реальность, мир своего “отраслевого права”» (Асланян 2012: 106).

Если в описанной ситуации уместны будут юридические термины, то вина за неё должна быть, конечно, возложена на философов, которые пренебрегли своим профессиональным долгом философского осмысления правовой реальности. Вина советской философии смягчается тем, что философская мысль была несвободна под идеологическим диктатом марксизма-ленинизма. У постсоветской философии такого оправдания нет, а есть, во-первых, институциональная инерция: не было научной специальности «философия права», не было философских работ о праве, а значит, нет и докторов философских наук по философии права и организовать подготовку аспирантов и работу диссертационных советов в этом направлении невозможно. А во-вторых, есть инерция интеллектуальной привычки: *философией права занимаются юристы* – в качестве общих рассуждений, дополняющих «настоящую юридическую науку».

Философия права нуждается в настоящей *философской* разработке, нужны фундаментальные *философские работы*, посвящённые осмыслению правового бытия человека, – таков первый практический вывод из представленного анализа основ научного статуса юриспруденции. Второй же вывод был отчасти сформулирован по ходу изложения: юридическая наука должна быть осмыслена как *прикладная философия права*, она должна развиваться и преподаваться именно в этом ключе: как выстраивание всякой правовой деятельности на ясно сознаваемых философских основаниях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев С.С. 2010а. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху // Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Москва : Статут. Т. 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. С. 7–294.

Алексеев С.С. 2010б. Философия права // Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Москва : Статут. Т. 7: Философия права и теория права. С. 7–320.

Анисин А.Л. 2023. Методологические основы и наличная практика определения объекта и предмета в диссертационных исследованиях по юридическим наукам // *Философия права*. № 4 (107). С. 7–14. EDN НКСРКЗ

Асланян Н.П. 2012. Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. № 5. С. 100–108. EDN РЕОРНТ

Белянская О.В. 2018. К вопросу о понимании правовой реальности // *Актуальные проблемы государства и права*. Т. 2, № 6. С. 5–15. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-6-5-15. EDN ААКСТЕ

Виндельбанд В. 2007. Прелюдии : философские статьи и речи / пер. с нем. и вступ. ст. С. Франка. Москва : Гиперборей : Кучково поле. 400 с. (Канон философии).

Гаджиев Г.А. 2013. Онтология права : (критическое исследование юридическо-го концепта действительности). Москва : Норма : ИНФРА-М. 320 с.

Кант И. 1965. О поговорке: «Может быть, это и верно в теории, но не годиться для практики» // *Кант И. Сочинения* : в 6 т. Москва : Мысль. Т. 4, ч. 2. С. 58–106.

Кельзен Г. 2015. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. 2-е изд., 1960. Санкт-Петербург : Алет-пресс. 542 с.

Максимов С.И. 2002а. Правовая реальность как предмет философского осмысления : дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков : Право. 434 с.

Максимов С.И. 2002б. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков : Право. 327 с.

Максимов С.И. 2014. Классическая и неклассическая модели осмысления правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. № 6(317). С. 41–54. EDN UNEAEN.

Максимов С.И. 2016. Концепция правовой реальности // *Постклассическая онтология права / под общ. ред. И.Л. Честнова*. Санкт-Петербург : Алетейя. С. 13–39.

Ницше Ф. 1990. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом // *Ницше Ф. Собрание сочинений* : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 2. С. 556–630.

Ницше Ф. 2009. Сумерки идолов // *Ницше Ф. Полное собрание сочинений* : в 13 т. Москва : Культурная революция. Т. 6. С. 9–106.

Стовба А.В. 2016. Реальна ли правовая реальность? // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. № 4(327). С. 145–154. EDN YHQLXL

Чеснов И.Л. 2013. Что есть право? // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. № 3(308). С. 229–237. EDN RDYSHF

Шалютин Б.С. 2019. О некоторых прообразах права у высших обезьян // *Научный Арцах*. № 1(2). С. 27–44. EDN KHUSVE

Шалютин Б.С. 2024. К вопросу о сущности права, или О консенсусе ненасилия и свободе слова // *Философский журнал*. Т. 17, № 1. С. 153–168. DOI 10.21146/2072-0726-2024-17-1-153-168. EDN WPEXGK

References

Alekseev S.S. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], *Alekseev S.S. Sbranie sochineniy* : v 10 t., Moscow, Statut, 2010, vol. 7, pp. 7–320. (in Russ.).

Alekseev S.S. *Samoe svyatoe, chto est' u Boga na zemle. Immanuel Kant i problemy prava v sovremennuyu epokhu* [The Most Sacred Thing That God Has on Earth. Immanuel Kant and the Problems of Law in the Modern Era], *Alekseev S.S. Sbranie sochineniy* : v 10 t., Moscow, Statut, 2010, vol. 5, pp. 7–294. (in Russ.).

Anisin A.L. Methodological Foundations and Available Practice of Determining the Object and Subject in Dissertation Research in Legal Sciences, *Filosofiya prava*, 2023, no. 4(107), pp. 7–14. EDN НКСРКЗ (in Russ.).

Aslanyan N.P. Concept of Legal Reality: Civil Problem Statement, *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*, 2012, no. 5, pp. 100–108. EDN PEOPH7 (in Russ.).

Belyanskaya O.V. To the Question about the Understanding of Legal Reality, *Current Issues of the State and Law*, 2018, vol. 2, no. 6, pp. 5–15. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-6-5-15. EDN AAKCTE (in Russ.).

Chestnov I.L. What Is Law? *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 2013, no. 3(308), pp. 229–237. EDN RDYSHF (in Russ.).

Gadzhiev G.A. *Ontologiya prava : (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deystvitel'nosti)* [The Ontology of Law : (a critical study of the legal concept of reality)], Moscow, Norma, INFRA-M, 2013, 320 p. (in Russ.).

Kant I. *O pogovorkе: «Mozhet byt', eto i verno v teorii, no ne godit'sya dlya praktiki»* [About the Saying: “This May be True in Theory, but it is not Suitable for Practice”], *Kant I. Sochineniya : v 6 t.*, Moscow, Mysl', 1965, vol. 4, pt. 2, pp. 58–106. (in Russ.).

Kelsen H. *Pure Theory of Law*, 2nd ed. (1960), St. Petersburg, Alef-press, 2015, 542 p. (in Russ.).

Maksimov S.I. Classical and Non-Classical Models of Understanding Legal Reality in the Context of the Communicative Paradigm of Law, *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 2014, no. 6(317), pp. 41–54. EDN UNEAEN. (in Russ.).

Maksimov S.I. *Kontseptsiya pravovoy real'nosti* [The Concept of Legal Reality], I.L. Chestnov (eds.), *Postklassicheskaya ontologiya prava*, St. Petersburg, Aleteyya, 2016, pp. 13–39. (in Russ.).

Maksimov S.I. *Pravovaya real'nost' kak predmet filosofskogo osmysleniya : dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal Reality as a Subject of Philosophical Reflection: Dissertation], Kharkov, Pravo, 2002, 434 p. (in Russ.).

Maksimov S.I. *Pravovaya real'nost' : opyt filosofskogo osmysleniya* [Legal Reality: The Experience of Philosophical Reflection], Kharkov, Pravo, 2002, 327 p. (in Russ.).

Nietzsche F. *Twilight of the Idols, Nitsche F. Polnoe sobranie sochineniy : v 13 t.*, Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2009, vol. 6, pp. 9–106. (in Russ.).

Nietzsche F. *Twilight of the Idols, Nitsche F. Sobranie sochineniy : v 2 t.*, Moscow, Mysl', 1990, vol. 2, pp. 556–630. (in Russ.).

Shalyutin B.S. On Some Prototypes of Law in the World of Great Apes, *Scientific Artsakh*, 2019, no. 1(2), pp. 27–44. EDN KHUSVE (in Russ.).

Shalyutin B.S. On the Question of the Essence of Jus, Or About the Consensus of Non-Violence and Freedom of Speech, *Philosophy Journal*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 153–168. DOI 10.21146/2072-0726-2024-17-1-153-168. EDN WPEXGK (in Russ.).

Stovba A.V. Is the Legal Reality Real? *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 2016, no. 4(327), pp. 145–154. EDN YHQXLX (in Russ.).

Windelband W. *Prelyudii : filosofskie stat'i i rechi* [Preludes : Philosophical Articles and Speeches], Moscow, Giperboreya, Kuchkovo pole, 2007, 400 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Леонидович Анисин

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0001-7264-9982;
SPIN-код: 5624-1912;
E-mail: anisin@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey L. Anisin

Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0001-7264-9982;
SPIN-code: 5624-1912;
E-mail: anisin@bk.ru